

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.1/2)+316.344.7

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕПРОДУЦИРОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ МУЖСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОМЫСЛОВЫХ КУЛЬТУРАХ (НА ПРИМЕРЕ ПОМОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА) ¹

Т. И. Трошина

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Архангельск

В статье на основе рассмотрен процесс социализации мужчин в традиционной культуре Русского Поморья и её трансформации под влиянием экономических и социальных изменений.

Автор исходит из того, что формирование поморской культуры и соответствующего ей типа личности было результатом вынужденного приспособления к тяжелым природно-климатическим условиям Европейского Севера. По мере изменения хозяйственной деятельности данные качества становились избыточными и создавали сложности для занятий сельским хозяйством. В результате, половое равенство, характерное для промысловых обществ, обернулось дополнительной эксплуатацией женщин. Мужчины предпочитали менять промысловый труд на фабрично-заводские работы.

Автор отмечает, что тип мужского характера, сложившийся в среде поморов, вступал в противоречие с типом «гражданина», необходимого государству. Комплекс обстоятельств способствовал деформации мужского поведения, пренебрежением со стороны мужчин социальными и семейными обязанностями.

***Ключевые слова:** гендерные стереотипы, Европейский Север России, этнографические источники, традиционная культура, поморская культура, мужчины, традиционная социализация, социальная и культурная маргинализация.*

Проблема феминизации общественной и экономической жизни в России с 1990-х гг. привлекает усиленное внимание. Возникает стремление рассмотреть вопрос «маскулинности» в историко-культурном и этническом ракурсе².

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Субкультура материнства в дворянской среде пореформенной России: антропологический и исторический подходы», проект № 14-31-01217.

² Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991; «Мужское» в традиционном и современном обществе / ред. А. К. Байбурин, И. С. Кон. СПб., 1991; «Мужское» в традиционном и современном обществе: мат. науч. конф. М., 2003; Рос-

Своеобразная «социально-половая деформация» отмечалась наблюдателями на Дальнем Севере Европейской России ещё в досоветский период. Сложившиеся обстоятельства вынуждали северных женщин (поморок) брать на себя часть общественных и экономических функций, традиционно принадлежавших мужчинам. В позднее советское и постсоветское время общественная активность женщин на фоне мужской пассивности стала особенно бросаться в глаза. Есть ли объяснение этому феномену в историко-культурной специфике территории и проживающего здесь населения или дело только в естественном процессе общественного развития?

Рассматривая формы социализации ребенка в традиционной русской семье и их ломку в условиях социальной модернизации, Н. Л. Пушкарёва отмечает, что конструирование гендерной асимметрии было направлено на формирование стереотипов «мужественности» и «женственности» (на нормативные представления о поведении) и на закрепление семейных и профессиональных ролей в зависимости от половой принадлежности. На примере традиционной великорусской семьи делается предсказуемый вывод о направленности такого воспитания на формирование конформной личности³. Именно такой тип личности был затребован в аграрной культуре.

Однако в рамках русской культуры существовали особые группы населения, отличающиеся от «идеального типа» условиями проживания и формами хозяйственной деятельности. Например, в промысловых районах мальчик в процессе социализации нацеливался на стремление к личному успеху, на мужественное и отважное поведение при любых обстоятельствах. При этом вхождение в общерусский культурный мир накладывало на процесс формирования такой личности особый отпечаток, в результате чего возникла «пограничная», маргинальная культура. Специфика складывания самобытной бытовой культуры Дальнего Европейского Севера в условиях приспособления русского населения (культурно-аграрного, православного) к непривычным природным условиям описана в коллективной монографии «Культура русских поморов»⁴. К ней автор и отправляет всех

сийская повседневность в зеркале гендерных отношений: сб. ст. / ред. Н. Л. Пушкарёва. М., 2013.

Jetnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedenija. SPb., 1991; «Muzhskoe» v tradicionnom i sovremennom obshhestve / red. A.K. Bajburin, I.S. Kon SPb., 1991; «Muzhskoe» v tradicionnom i sovremennom obshhestve: materialy nauch. konf. M., 2003; Rossijskaja povsednevnost' v zerkale gendernyh otnoshenij: sb. st. / red. N.L. Pushkareva. M., 2013.

³ Пушкарёва Н. Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье и перспективы ее ломки в условиях социальной модернизации // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв. Тамбов, 2002.

Pushkareva N. L. Gendernaja asimmetrija socializacii rebenka v tradicionnoj russoj sem'e i perspektivy ee lomki v uslovijah social'noj modernizacii // Social'naja istorija rossijskoj provincii v kontekste modernizacii agrarnogo obshhestva v XVIII – XX vv. Tambov, 2002.

⁴ Черновиллов П. Н. и др. Культура русских поморов: опыт системного исследования. М., 2005.

Chernovilov P.N. i dr. Kul'tura russkih pomorov: opyt sistemnogo issledovanija. M., 2005.

интересующихся этой проблемой.

Данная статья является результатом выявления, исследования и реинтерпретации при помощи иных исторических источников сведений, полученных из различного рода «путевых записок» и «этнографических очерков», авторами которых были путешественники⁵, чиновники⁶, представители интеллигенции – как профессиональные географы и этнографы⁷, так и местные исследователи-краеведы⁸. Эти источники в основном относятся к концу XIX –

⁵ *Челищев П. И.* Путешествие по Северу России [1791]. СПб., 1886; *Максимов С. В.* Год на севере. Архангельск, 1984 и др.

Chelishhev P. I. Puteshestvie po Severu Rossii [1791]. SPb., 1886; *Maksimov S. V.* God na severe. Arhangel'sk, 1984 i dr.

⁶ *Пошман А.* Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философском, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении: в III т. СПб., 1802. Т. I, II; *Молчанов К.* Описание Архангельской губернии, ея городов и достопримечательных мест со многими древними историческими известиями и замечаниями, к дополнению Российской истории служащими... СПб., 1813; *Пушкарев И. И.* Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. СПб., 1845. Т. 1, кн. 2: Архангельская губерния; *Козлов Н.* Материалы для географии и статистики России. Архангельская губерния. СПб., 1865; *Энгельгардт А. П.* Русский Север: Путевые записки. СПб., 1897 и др.

Poshman A. Arhangel'skaja gubernija v hozjajstvennom, kommercheskom, filosofskom, istoricheskom, topograficheskom, statisticheskom, fizicheskom i nrvstvennom obozrenii: v III t. SPb, 1802. T. I, II; *Molchanov K.* Opisanie Arhangel'skoj gubernii, eja gorodov i dostoprimechatel'nyh mest so mnogimi drevnimi istoricheskimi izvestijami i zamechanijami, k dopolneniju Rossijskoj istorii sluzhashhimi... SPb., 1813; *Pushkarev I. I.* Opisanie Rossijskoj imperii v istoricheskom, geograficheskom i statisticheskom otnoshenijah. SPb., 1845 T. 1, kn. 2: Arhangel'skaja gubernija; *Kozlov N.* Materialy dlja geografii i statistiki Rossii. Arhangel'skaja gubernija. SPb., 1865; *Jengel'gardt A.P.* Russkij Sever: Putevye zapiski. SPb., 1897 i dr.

⁷ *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии: тр. Этнографического отдела Императорского О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М., 1877. Ч. 1; М., 1878. Ч. 2; *Пиге А.* Северное Поморье (лопарь, самоеды, зыряне и русские промышленники). М., 1873; *Вертепов Г. А.* Материалы для этнографии поморов Архангельской губернии // Этнографическое обозрение. 1901. № 1; *Харузина В. В.* На Севере. Путевые воспоминания. М., 1890; Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб., 1881. Т. 1, ч. 1: Северная Россия; и др.

Efimenko P. S. Materialy po jetnografii russkogo naselenija Arhangel'skoj gubernii: tr. Jetnograficheskogo otdela Imperatorskogo O-va ljubitelej estestvoznanija, antropologii i jetnografii pri Moskovskom universitete. M., 1877. Ch. 1; M., 1878. Ch. 2; *Pige A.* Severnoe Pomor'e (lopary, samoedy, zyrjane i russkie promyshlenniki). M., 1873; *Vertepov G. A.* Materialy dlja jetnografii pomorov Arhangel'skoj gubernii // Jetnograficheskoe obozrenie. 1901. № 1; *Naruzina V. V.* Na Severe. Putevye vospominanija. M., 1890; *Zhivopisnaja Rossija: Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, jekonomicheskom i bytovom znachenii.* SPb., 1881. T.1, ch. 1: Severnaja Rossija; i dr.

⁸ *Цейтлин Г.* Народные игры в Поморье // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (далее – Известия АОИРС). 1911. № 13; *Его же.* Свадьба в Поморье // Известия АОИРС. 1910. № 20. С. 11; Домашняя жизнь, нравы и некоторые

началу XX в., когда под влиянием славянофильской ориентации этнографии в массовом сознании был создан «репрезентативный образ» помора – свободолюбивого, предприимчивого, обладающего личной храбростью, придерживающегося идеалов коллективизма и эгалитаризма. По свидетельству сторонних наблюдателей, «решительность, энергия и предприимчивость русского человека развивались прежде всего на Крайнем Севере нашего великого Отечества»⁹; «нравственные свойства жителей Архангельской губернии... должны были образоваться под влиянием тех особых условий, как климатических, так и общественных, которые довольно резко отличают эту губернию от других русских губерний... Природа (Крайнего Севера. – *Здесь и далее примечание наше, Т. Т.*) требует предприимчивости, смелости и ловкости»¹⁰.

Помор – это тип русского человека, сложившегося без негативного влияния татаро-монгольского ига и крепостной зависимости, предприимчивость которого не деформировалась под воздействием излишнего государственного патернализма; ему были свойственны бесстрашие и некая отчаянная храбрость, которая в европейской традиции являлась своего рода прерогативой, отличительной чертой характера, дозволенной только представителям (и притом молодым) высших слоев населения. Помор – это «не мужик, а князь»; поморы – «настоящие русские люди, рослые, плечистые, железного здоровья, неустрашимые, привыкшие смело смотреть в лицо смерти». По свидетельствам наблюдателей, поморы «в физическом отношении развиты лучше, рослее, здоровее и в деятельности энергичнее»; «население Беломорского края – народ здоровый, рослый и чрезвычайно крепкого телосложения. Морские промыслы, от которых большинство кормится, обрекают помора, ещё с малолетства, на тяжёлую, полную опасностей и лишений разного рода жизнь, развивая в нём необыкновенную предприимчивость духа, соединённую с отвагою, изумительную в глазах человека, выросшего среди иной жизненной обстановки».

В советское время «идеальный» образ помора продолжал привлекать внимание как пример возможностей для развития человека в условиях отсутствия крепостной зависимости. О том же, что накануне революции в поморской среде происходила максимальная имущественная поляризация населения, предпочитали не упоминать.

Рассмотрение специфики мужского воспитания в поморской куль-

обычаи поморов // Известия АОИРС. 1910. № 24; Мужчины и женщины в Кемском Поморье // Известия АОИРС. 1910. № 15; *Зобков С.* Из путевых набросков по Северу // Известия АОИРС. 1911. № 1.

Cejtlin G. Narodnye igry v Pomor'e // Izvestija Arhangel'skogo obshhestva izucheniya Russkogo Severa (dalee – Izvestija AOIRS). 1911. № 13; Ego zhe. Svad'ba v Pomor'e // Izvestija AOIRS. 1910. № 20. S.11; Domashnjaja zhizn', nrawy i nekotorye obychai pomorov // Izvestija AOIRS. 1910. № 24; Muzhchiny i zhenshhiny v Kemskom Pomor'e // Izvestija AOIRS. 1910. № 15; *Zobkov S.* Iz putevyh nabroskov po Severu // Izvestija AOIRS. 1911. № 1.

⁹ Живописная Россия... С. 105.

Zhivopisnaja Rossija... S. 105.

¹⁰ *Козлов Н.* Указ. соч. С.125.

Kozlov N. Op. cit. S. 125.

туре следует начать с характеристики тех природно-климатических и социокультурных условий, в которых эта культура существовала.

Понятие «Поморье» является виртуальной историко-географической конструкцией. В эпоху раннего проникновения славян-новгородцев здесь стали развиваться различные промыслы, связанные с добычей природных ресурсов. Со временем появился промысел морского зверя, к лежбищам которого люди добирались вдоль кромки льда, приблизившегося в результате похолодания на доступное расстояние к материку. С истощением ресурсов и уходом зверя на северо-восток промысловики (поморы) стремились уйти вслед за ним. Однако государственная политика «привязала» население к местам проживания, что и послужило причиной формирования здесь полуоседлого населения: женщины оставались в постоянных селениях, занимаясь сельским хозяйством, а мужчины уходили иногда за сотни вёрст ко всё удаляющимся местам промыслов.

Пока промысел морского зверя и рыбы был выгоден и привлекал мужское население отдалённых от побережья территорий, понятие «Поморье» включало в себя территорию, выходящую за пределы собственно Архангельской губернии. Впоследствии (примерно с середины XIX в.) поморами стали именоваться жители прибрежных морских селений, и эта территория стала называться «Поморьем». Постепенно число занимающихся поморскими промыслами сокращалось (например, число промысловиков только на Мурмане в первой половине XVIII в. достигало 10 тысяч, а в 1913 г. мурманскими промыслами занимались 3607 человек¹¹). У жителей поморских селений появились альтернативные занятия – работа на лесозаводах, бартерная (сибирский хлеб на рыбу) торговля с Норвегией. Однако поведенческие черты, сформировавшиеся у местного населения («поморский характер»), продолжали проявляться, несмотря на новые виды деятельности и некоторое изменение в быту.

Постепенно, в связи с изменением обстоятельств изменялся и сам тип помора. Его предприимчивость, порождённая постоянным поиском новых форм деятельности для получения пропитания, с упорядочением труда стала ослабевать. «Свободолюбие», проявлявшееся в пренебрежительном отношении к любым представителям властей, было, скорее всего, результатом изолированного проживания и длительным периодом отсутствия со стороны государства интереса к локальным и малочисленным группам поморского населения; впоследствии такое «свободолюбие» трансформировалось не в гражданскую позицию, а в хулиганство, которое начиная с XX в. фиксировалось наблюдателями у молодого мужского населения.

Отличительной чертой поморов было их интеллектуальное и физическое развитие. Образ жизни поморского населения способствовал расширению кругозора, а разнообразное питание, интенсивная физическая

¹¹ Попов А. К. Архангельский край: статистико-экономический очерк. Архангельск, 1923. С. 20, 22.

Popov A. K. Arhangel'skij kraj: statistiko-jekonomicheskij ocherk. Arhangel'sk, 1923. S. 20, 22.

деятельность и полноценный отдых положительно влияли на здоровье, как физическое, так и психическое, поскольку каждодневная «борьба не вредна для человека, она развивает его, укрепляет его силы, двигает вперед, а опасности (способствуют) ближе сплотиться, действовать соединенными силами, развивать дух солидарности и побудить к взаимной помощи. Оттого помор смелее и решительнее жителя средней или южной России»; а влияние угрюмой природы способствовало тому, что «какая-то серьёзность, сосредоточенность проглядывает во всех чертах» помора¹².

Предприниматель М. К. Сидоров писал в 1865 г.: «... в Кольском и Кемском уездах я удивлен был любознательностью и сметливостью приморских жителей». Архангельский историк С. Ф. Огородников в конце XIX в. отмечал, что поморы «отважны и сметливы от природы». По мнению доктора С. В. Мартынова, северяне «по сравнению с крестьянами центральной полосы России заметно отличаются большей самостоятельностью, сметливостью и предприимчивостью». С точки зрения другого наблюдателя, жители Севера «своими качествами, физическими и умственными, далеко превосходит жителей средней части России»¹³.

Все наблюдатели отмечали рисковый характер поморов. Например, «зверобойка» представляла собой довольно авантюрное с точки зрения современного человека мероприятие: артель (обычно человек семь) выходила на промысел на небольшом беспалубном суденышке, которое прицепляли специальным крюком к плавучей льдине; расчёт был на то, что льдина принесёт промысловиков к лежбищу тюленей. Иногда такой промысел заканчивался смертью или длительными – по несколько сезонов – зимовками на пустынных островах. «Не проходит года, чтобы не погибло несколько человек: то льдины ломаются от столкновения друг с другом, то окажется недостаток в пище. Разве что льдина, унесшая смельчака, пристанет к берегу вблизи жилья; тогда он спасён»¹⁴.

Были и такие виды промыслов, на которые «идёт самый отчаянный народ, все люди, не имеющие обычно ни крова, ни семьи, ничем не привязанные к брэнному своему существованию. Такому бобылю все равно где пропадать...»¹⁵. Обычной причиной преждевременной смерти для поморов, судя по записям в полицейских формах, было «утонул в море»; по словам наблюдателя, поморы «редко до старости доживают – либо погибают на промыслах, либо надрывают здоровье»¹⁶. Свидетельством тяжёлого труда, уносящего жизни в самом расцвете лет, были «многочисленные вдовы, оси-

¹² Живописная Россия... С. 105–106.

Zhivopisnaja Rossija... S. 105–106.

¹³ Попов А. К. Указ. соч. С. 8.

Поров А. К. Op. cit. S. 8.

¹⁴ Пиге А. Указ. соч. С. 25.

Pige A. Op. cit. S. 25.

¹⁵ Живописная Россия... С. 122.

Zhivopisnaja Rossija... S. 122.

¹⁶ Домашняя жизнь, нравы и некоторые обычаи поморов. С. 41.

Domashnjaja zhizn', nnavy i nekotorye obychai pomorov. S. 41.

ротевшие дети и семьи, оставленные на произвол судьбы старики-отцы и старухи-матери... Причина лежит в смелости, или вернее сказать, в неосторожности, непредусмотрительности поморов»¹⁷.

Чем меньше становилась отдача за столь тяжёлый труд, тем смелее и рисковее были поморы. До второй половины XIX в. у них не было других возможностей добывать пропитание, но, несмотря на смертельную опасность, этот промысел продолжал привлекать тысячи людей.

Архангельский губернатор сообщает, что при объезде губернии в 1840 г. ему попадались «многочисленные толпы крестьян», «толпы промышленников, число которых более тысячи человек», которые направлялись на Мурманский берег для морских промыслов¹⁸. Примерно в те же годы финский путешественник описывает «полчища этих странствователей к Ледовитому морю», которые «шли толпами в 20, 30 и даже 50 человек, мужчин, женщин, стариков, молодых парней и девушек. Большая часть тащила за собой оленьи санки, на которых навалены были шубы, хлебы, якоря, котлы и т. п. ... Толпы эти шли с песнями и криком. А лица большей части выражали удаль и отвагу»¹⁹. Трудовая деятельность поморов была связана с такими опасностями, что только «удаль», так поразившая благообразного финна, могла создать психологическую защиту от естественного для любого человека чувства страха. Свойственная вообще русским людям «надежда на авось» у поморов проявлялась с особой силой: действительно, успех их деятельности в большей степени, чем даже «рискованное земледелие», зависел от удачи, от случая. Архангельский губернатор, отмечая, что «промышленники» в целом весьма зажиточны, признавал, что «многие из них скоро впадают в бедность по случаю неудобных промыслов»²⁰.

Формирование всех этих качеств происходило в процессе семейного и социального воспитания. Отношение к детям в промысловых русских районах несколько отличалось от зафиксированного в земледельческих. Здесь семьи не были заинтересованы в большом числе детей; нередко материальное благополучие было признаком семьи малолетней. Не было особого различия в отношении к мальчикам и девочкам, объяснение чему можно видеть в ценности женщин. Между расположенными на большом расстоянии друг от друга поморскими сёлами, судя по сохранившимся

¹⁷ Живописная Россия... С. 106, 121.

Zhivopisnaja Rossija... S. 106, 121.

¹⁸ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1 Оп. 4, т.2 Д. 189 Л. 6 об.–7, 8.

State Archives of the Arkhangelsk Region (GAAO). F. 1 Op. 4, t.2 D. 189 L. 6 ob.–7, 8.

¹⁹ *Кастрен М. А.* Поездка в Русскую Карелию в 1839 г. Путешествие в Лапландию, Северную Россию и Сибирь в 1841–1844 гг. // *Кастрен М.* Лапландия. Карелия. Россия. Тюмень, 1999. Т. 1.

Kastren M. A. Pоеzdka v Russkuyu Kareliyu v 1839 g. Puteshestvie v Laplandiyu, Severnuyu Rossiyu i Sibir' v 1841–1844 gg. // *Kastren M.* Laplandiya. Kareliya. Rossiya. Tyumen', 1999. T. 1.

²⁰ ГААО. Ф. 1 О. 4. Т. 2. Д. 188. Л. 69.

GAAO. F. 1 O. 4. T. 2. D. 188. L. 69.

преданиям, издревле существовал «обмен» невестами, поэтому девочки были желанными членами семьи.

Впрочем, по наблюдению чиновника, если «рождение мальчиков вызывает общую радость в семье, то с рождением девочек только мирятся»²¹. Отношение к мальчикам сразу же становилось «потребительским»: его «подрастанием интересуется вся семья: и отец, и мать высчитывают, скоро ли из него выйдет зуй» (т. е. сможет отправиться на промысел) и «в счёт его заработка можно будет “забраться” у богача-скупщика»²².

Мальчики-подростки могли вступать в артель промысловиков «зуйками» (помощниками); поэтому с 10–12 лет «мальчик превращается в настоящего “мужика”, и в его преимущественное распоряжение отдается “горница”, имеющаяся в большинстве поморских домов». Они имели право участвовать в развлечениях взрослых мужчин. Возвращение с промыслов (а впоследствии с городских заработков) знаменовалось «грандиозным пьянством, в котором принимают участие даже “зуйки”. Шляются по улицам, обнявшись, поют непристойные песни под аккомпанемент “тальянки”. (Мальчики) ...подражают взрослым поморам»²³. Такое поведение не возбранялось для мальчиков и в отсутствие взрослых: «... в осенние вечера в деревне по улицам расхаживают целые толпы зув и, подражая старшим, распевают поморскую “Дубинушку”, “Отраву”, “Закрасился месяц багрянцем”. Мальчик рано отрывается от семьи и водит компанию с подобными ему “зуями” – удит рыбу, устраивает “спуски” игрушечных судов...»²⁴.

Ценность девочек увеличивалась с сокращением промысловой базы и одновременной «привязкой» населения к земле, что способствовало развитию земледелия. Даже в начале XX в. оно считалось «бабьим» делом, при том что благополучие семьи все более зависело от сельского хозяйства. В этих условиях женщины нужны были «любые», и к их воспитанию строгих требований не предъявлялось. С другой стороны, мужчина должен быть смелым, в какой-то степени даже бесшабашным. Такие условия жизни и деятельности требовали особых способов социализации новых поколений мужчин. Превращение мальчика в мужчину, в помора, требовало особых, жестких проверок, схожих с обрядом инициации. Даже в близкое к нам время в поморских сёлах шла чёткая градация: поморы и не поморы; последние занимались сельским хозяйством и отхожими занятиями, и отношение к ним было пренебрежительное. Со временем такие виды деятельности давали более надёжный доход семье, и общество стало относиться к «не поморам» терпимее, но в их поведении продолжали присутст-

²¹ [Островский] Мужчины и женщины в Кемском Поморье // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 15. С. 27.

[Ostrovskii] Muzhchiny i zhenshchiny v Kemskom Pomor'e // Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa. 1910. № 15. S. 27.

²² Там же.

Ibid.

²³ Цейтлин Г. Народные игры в Поморье. С. 8, 15.

Cejtlin G. Narodnye igry v Pomor'e. S. 8, 15.

²⁴ [Островский] Мужчины и женщины в Кемском Поморье. С. 27.

воватъ признаки «негативной идентичности».

Поморские мальчики с детских лет уходили с отцами на промысел в качестве «зуйков», где их рассматривали не как детей, а как представителей возрастной группы, которые должны были пройти через своеобразный «обряд перехода», иногда достаточно жестокий, прежде чем стать полноценными членами мужской организации²⁵. До конца XIX в. не принято было брать на промыслы женщин, и мальчики выполняли женскую работу, связанную с готовкой пищи, мытьём посуды, стиркой белья.

Географические и климатические факторы влияют не только в целом на культуру народа, но и на психологию и поведение отдельных групп, в том числе половых – мужчин и женщин. Кажется, что мужчины, благодаря свойственным им качествам (агрессивность, грубость, сила, энергичность), должны господствовать в обществах с присваивающей экономикой, где основными являются активные виды экономической деятельности, связанной с большим напряжением, например, охота на морского зверя, рыбная ловля в открытом море, сопряжённая с опасностями. Однако нередко в таких социумах существуют вполне толерантные межполовые отношения, а социальное положение женщины достаточно высокое.

Русский Север, не являясь единым экономическим и социокультурным пространством, даёт образцы мужских типов, характерных и для аграрной культуры, и для культур с присваивающей экономикой. Мужчины-земледельцы – это слабые социальные типы, зависимые от природных условий (поскольку результаты их труда не всегда зависят от их усилий и могут быть разрушены неблагоприятной природой) и социальных обстоятельств (подчинение закону и его служителям – чиновникам; в районах с крепостным правом – помещикам и их представителям). При такой зависимости мужчина, каким бы сильным физически он ни был, довольно часто не мог выполнить предначертанный природой долг по защите жены и детей. Это оборачивалось жестоким обращением с зависимыми членами семьи, когда мужчина пытался отыгаться на более слабых за свою социальную несостоятельность, развитием пьянства и других асоциальных привычек. По словам И. С. Кона, «отождествление маскулинности с насилием психологически типично не столько для сильных, сколько для слабых мужчин...»²⁶.

С другой стороны, мужественные поморы давали образцы иного поведения. Они «наиболее добросердечны, кротки, набожны, сострадательны,

²⁵ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 58.

Bernshtam T.A. Molodezh' v obrjadovoj zhizni russkoj obshhiny XIX – nachala XX v.: Polovozrastnoj aspekt tradicionnoj kul'tury. L., 1988. S. 58.

²⁶ Кон И. С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. «Кризис маскулинности» и мужские движения // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.

Kon I. S. Menjajushhiesja muzhchiny v izmenjajushhemsja mire. «Krizis maskulinnosti» i muzhskie dvizhenija // Jetnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedenija. SPb., 1991.

а в опасностях отважны и сметливы»²⁷. Многие наблюдатели отмечали «женственность» мужественных поморов, чья «речь изобилует ласкательными словами, что придает ей некоторую льстивость... Мужчины не говорят басом»²⁸. Они «до того любопытны и подозрительны, что во всякой деревне являются толпами и в одиночку опрашивать всякого, куда, зачем и откуда едет, и всякою подробностью жизни нового лица интересуется едва ли не больше собственной. В этом поморские мужики похожи на великорусских баб и нисколько на мужиков, почти всегда сосредоточенных на личных интересах и более молчаливых, чем любопытных»²⁹. Промышленник, «хотя и оставляет свою семью на значительное время каждый год, но не отвыкает, и не делается чужд семейной жизни, к которой он возвращается на отдых всегда с любовью и радостью»³⁰.

Семья, её благополучие было наиважнейшей заботой мужчины: погибающий от цинги на новоземельских промыслах помор в последнем письме к своей жене наставляет её: «Милая супруга, не пушая своих детей по миру, проси из милости хозяина (промыслов), он тебя не оставит и сирот, даст кусок хлеба»³¹, – после чего делает расчёт промысла, указывая, на какую часть добычи должна рассчитывать его осиротевшая семья. Несмотря на довольно самостоятельное положение в поморской семье мужа и жены, они в значительной степени зависели друг от друга, что придавало семьям промысловиков особую сплоченность; ведь «если в семье крестьянина-земледельца смерть последнего мужчины – тяжёлая утрата, то для семьи промысловика-помора это несчастье служит началом полного разорения семьи»³².

Особенности традиционного мужского поведения на Русском Севере характерны и для добрачного поведения молодёжи. «Совместные прогулки парней и девиц по улице поморским обычаем запрещаются. На вечерках и беседах поморская мужская молодежь размещается отдельно от женской; общие разговоры не допускаются даже во время танцев». При этом добрачные и даже внебрачные связи не осуждались; и родители, и общество с полным пониманием относились к обычаю «вечеринок», когда

²⁷ Заринский М. Онежский уезд в 1851 году // Архангельский сборник. Архангельск, 1865. Ч. 1, кн. 2. С. 190.

Zarinskij M. Onezhskij uезд v 1851 godu // Arhangel'skij sbornik. Arhangel'sk, 1865. Ch. 1, kn. 2. S. 190.

²⁸ Белдныцкий Н. В низовьях Печоры // Известия АОИРС. 1911. № 8–9. С. 283.

Beldnyckij N. V nizov'jah Pechory // Izvestiya AOIRS. 1911. № 8–9. С. 283.

²⁹ Максимов С. В. Указ. соч. С. 57.

Maksimov S. V. Op. cit. S. 57.

³⁰ Козлов Н. Материалы для географии и статистики России. Архангельская губерния. СПб, 1865. С. 126.

Kozlov N. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii. Arhangel'skaja gubernija. SPb, 1865. S. 126.

³¹ Очерки колонизации Новой Земли // Известия АОИРС. 1912. № 3. С. 117.

Ocherki kolonizacii Novoj Zemli // Izvestiya AOIRS. 1912. № 3. S. 117.

³² [Островский] Мужчины и женщины в Кемском Поморье. С. 26.

[Ostrovskij] Muzhchiny i zhenshchiny v Kemskom Pomor'e. S. 26.

девица, нарядившись, ждала к себе парня поздно вечером. «Поморская девушка в своих частушках поёт не о том, как она “гуляет” с парнем, а о том, как она “сидела” с ним»³³. Среди поморской молодёжи реже встречалось «великатное» (деликатное) обращение с девушками, распространённое в южных губерниях, где оно, очевидно, было заимствовано от дворян и горожан, которые даже географически там были ближе к крестьянскому населению. Зато в средней полосе отмечалась грубость по отношению к жёнам. Поморы же к жёнам были ласковы, что объяснялось более высоким социальным положением и экономической значимостью северной женщины, которая вела всю сельскохозяйственную работу, а со временем даже в промысловых районах земледелие становилось главным источником продовольствия. Причина также и в том, что оторванные промысловой, морской деятельностью на долгие месяцы от семейств мужчины просто скучали и были рады встрече с жёнами.

Вот несколько характеристик, которые дали наблюдатели северянам, занимавшимся традиционными промыслами: «Большинство пустозерцев очень красивый народ, особенно мужчины»³⁴; поморов «природа не обидела, наградила крепким здоровьем и силами, да и терпенья и смелости дала им вволю. Они привыкли уже по полугоду не видеть своей семьи, ничего даже не зная о ней. От жаркой печи и теплых полатей море отучило их; в избе помору и тесно, и душно, если годы и тяжелые труды еще не поломали его в конец»³⁵. Онежане «скромны, послушны, гостеприимны. Доброта и простота – природные и отличительные их качества. ...Они почтительны, учтивы, осторожны в словах и делах, не только при сношениях с другими сословиями, но и между собой. Преступления между ними довольно редки»³⁶. Жители Кольского уезда, «как и вообще жители Архангельской губернии, отличаются гостеприимством и честностью»³⁷.

В земледельческих районах полное подчинение сына отцу и матери создавало конформную личность, способную подчиняться не только родителям, но и властям, и общественному мнению. Одновременно такое воспитание формировало у мужчины модель будущего поведения, когда, став отцом семейства, он становился деспотом в доме, оставаясь при этом вполне послушным членом общества. Мужчина в земледельческой культуре не имел права голоса даже при решении личных вопросов, например, женитьбы. Необходимость заполучить дармовую работницу заставляла крестья-

³³ [Островский] Мужчины и женщины в Кемском Поморье. С. 26.

[Ostrovskii] Muzhchiny i zhenshchiny v Kemskom Pomor'e. S. 26.

³⁴ Белдныцкый Н. В Указ. соч. С. 283.

Beldnyckij N. V. Op. cit. S. 283.

³⁵ Пиге А. Указ. соч. С. 38–41.

Pige A. Op. cit. S. 38–41.

³⁶ Заринский М. Указ. соч. С. 190.

Zarinskij M. Op. cit. S. 190.

³⁷ Поромов И. Описание Кольского уезда. // Архангельские губернские ведомости. 1856. № 45.

Poromov I. Opisanie Kol'skogo uezda. // Arhangel'skie gubernskie vedomosti. 1856. № 45.

нина, особенно небогатого, женить своего сына как можно раньше, без учёта личных предпочтений. Напротив, в неземледельческих поморских районах женщина долгое время не имела большой экономической ценности, поэтому для большинства молодых людей брак был возможен по личному выбору.

В среде поморского населения возникли особые формы бытовой культуры, позволявшие людям выживать в тяжёлых природных условиях и репродуцировать качества, необходимые для поморского труда. Достаточно долго фиксировалось полное неприятие поморами спиртных напитков, что вызвано было, возможно, строобрядческими культурными нормами. Тяжёлый, всегда на грани смертельного риска поморский промысел требовал и адекватных форм «расслабления» (рассмотрение пьянства как альтернативы традиционному длительному отдыху в народной русской культуре предлагается в монографии К. Касьяновой³⁸). Обычно это был длительный послепромысловый отдых: «... жители Поморья зимнее время проводят в лености; одно только лето возбуждает временную их деятельность»³⁹. Если земледелец был «положительно завален работой на весь год, отдыхом для него служат только дни больших праздников», то помор, возвращаясь с промысла, «в течение долгого времени предавался лени, невиданной у простого народа»; причиной такого поведения была и необходимость отдохнуть после тяжёлого, опасного промысла, и отсутствие важных работ в зимний период⁴⁰. Интересно, что такого «народного развлечения», как драки, у поморского населения, судя по всему, не было – возможно, по причине коллективного труда и таких его форм, когда собственную «удаль» можно было доказать другими способами.

При этом на промыслах фиксировался и пьяный «загул» как форма отдыха наёмных работников-поморов. Судя по рапорту Кольского полицейского надзирателя, «драки, буйство и игры – главные любимые занятия пьющего промышленника; впрочем, побои, нанесённые одним другому, на другой день или в тот же день прощаются за бутылкой мирового». «Пьяного нахала, сделавшего дерзости», «толпа товарищей» обычно одобряла; единственное средство, которое могло промышленника напугать и образумить – только «заарестование», из-за чего он терял драгоценное промысловое время, а соответственно и заработок. Для нормального ведения промысла необходимо, чтобы все члены артели участвовали в нём. Поэтому из соображений солидарности даже «избираемые на время промыслов в каждом становище промысловые старосты» относились к хулиганским выходкам своих товарищей снисходительно, не выполняя распоряжений поли-

³⁸ Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.

Kas'janova K. O ruskom nacional'nom haraktere. M., 1994.

³⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 2. Д. 188. Л. 65 об.–66 об.

ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 2. Д. 188. Л. 65 об.–66 об.

⁴⁰ Шустиков А. А. Троищина Кадниковского уезда: бытовой очерк // Живая старина. 1892. Вып. 2. С. 71–91.

Shustikov A. A. Troichina Kadnikovskogo uezda: bytovoj ocherk // Zhivaja starina. 1892. Vyp. 2. S. 71–91.

цейских чиновников об их наказании⁴¹.

Широта кругозора, свойственная поморам, была связана с дальними походами в открытое море, знакомством с удивительными природными явлениями. Поморы – вольно или невольно – часто бывали за границей, прежде всего в Норвегии. Отсюда появившиеся в поморском быту «норвежские» (колесные) прялки, «норвежские рубахи» (свитера). Путешественников поражало, что в поморских избах было принято расставлять на полках (на голландский манер) начищенную до блеска медную посуду, а сами поморы пристрастились к кофе, который, по некоторым свидетельствам, готовили в самоварах. Но других каналов внешнего культурного влияния и способов социальной и географической мобильности (которыми прежде всего были выполнение рекрутской повинности и навязываемое правительством школьное образование) для поморов не было: от рекрутской службы – за малочисленностью населения – они были освобождены (эта повинность была заменена денежным взносом), а грамоту поморы, в большинстве своём явные или скрытые старoverы, предпочитали давать детям через «книжников», а не в школе. Отношение поморов к школе изменило только введение всеобщей воинской повинности: поскольку наличие образования сокращало срок службы, то, стремясь скорее вернуть в семью работника, в начале XX в. «мальчика лишь редкий помор не отдаёт в школу»⁴².

Итак, преимущественно промысловая деятельность основного мужского населения Русского Севера делала востребованной личность, нацеленную на индивидуальный успех, на умение принимать неординарные решения. Такая форма социализации входила в конфликт с государственным «заказом» на конформную, умеющую жить в коллективе и подчиняться общим требованиям и правилам личность. В результате сформировалась двойственность сознания, которая на фоне происходившего в стране идентичного процесса проявилась в резком разрыве традиционных социальных связей и культурной преемственности. Ранняя пролетаризация поморского населения объясняется легкостью перехода от промысловой деятельности к «отходничеству». Труд поморов и промысловиков был очень тяжёл, а со временем стал к тому же малоприбыльным. Это сформировало некоторое разочарование, стремление найти другое занятие, пусть физически более тяжёлое, но дающее быстрый и гарантированный доход.

Замена промысловой деятельности на другой вид занятий (фабрично-заводской труд) не могла сразу изменить повседневную культуру, да этого и не требовалось, поскольку образ жизни поморов вполне соответствовал быту, принятому в рабочей среде. Приведём свидетельство С. Максимова, посетившего в 1856 г. Онежский уезд, население которого уже с середины XVIII в. имело возможность зарабатывать на жизнь не изнури-

⁴¹ Материалы для разработки вопросов, касающихся Севера России. СПб., 1891. Вып. 1: Мурман и Беломорские порты. С. 28–29.

Materialy dlja razrabotki voprosov, kasajushhihsja Severa Rossii. SPb., 1891. Vyp. 1: Murman i Belomorskie porty. S. 28–29.

⁴² [Островский] Мужчины и женщины в Кемском Поморье. С. 27.

тельным и малопродуктивным земледельческим трудом и не опасным поморским, а фабрично-заводским. Традиция «гулянок» по возвращении с промыслов превратилась чуть ли не в каждодневные пьянки рабочего люда: «... трудно найти в другом каком-либо городе такого долгого, бестолкового загула, как в Онеге... Весь заработок онежане успевают пропить в эти два загульные дня, если только храбрая и сильная жена не успеет отобрать у расходившегося мужа небольшие остатки, которые пойдут потом на недельное пропитание голодной, полунагой семьи»⁴³.

Замена промысловой деятельности на фабрично-заводской труд не преминула сказаться на взаимоотношениях в семье. Прежней психологической привязанности к жёнам уже не было; именно раздельное проживание супругов, когда муж в городе, а жена в деревне, провоцировало развитие городской проституции и даже «двоебрачие» отходников, нередко имевших вторую семью. А экономическая самодостаточность женщины обернулась пренебрежением мужчины к своим обязанностям по содержанию семейства: «Теперь денег домой посылают меньше, а раньше присылали больше». Появляется стремление тратить деньги на себя: «балуются бурлаки» (*Бурлаками* в Архангельской губернии называли людей, занимающихся наемным трудом. – Т. Т.). Конечно, «и последний бурлак бросит в хозяйство десятку или полторы», но только для того, чтобы ему выдали паспорт, иначе как «беспашпортного», «поведут “по этапу”, что считается несмываемым позором».

По сохранившейся с «промысловых» времен традиции, в деревне «бурлака» работой не загружали, а давали ему вволю погулять: «Пусть отведут бурлаки душеньку, пусть, сердешные, побалуются»⁴⁴. Нетрудно представить, в какой обстановке происходило формирование молодёжи. Мальчики, как это принято в любой культуре, в определённом возрасте стремились походить на отца, других взрослых мужчин (начинали «мужичиться»). При этом большую часть года ребёнок находился рядом с матерью – работницей и кормилицей. В селениях, где мужчины уходили на заработки, а возвращаясь предавались пьянству и праздности, начинали рушиться традиционные семейные устои. Оказала на это влияние и навязанная правительством община, которая брала на себя некоторые функции семьи: например, увещевание пьяниц, вплоть до передачи прав «главы семейства» от отца сыну и даже от мужа жене. Привыкая подчиняться не отцу, а «коллективу», молодой человек легко менял авторитет старшего на авторитет сверстников.

Традиционные способы социализации в новой социокультурной реальности обернулись пренебрежением мужчин к своим социальным и семейным обязанностям. Под влиянием процессов модернизации и урбанизации сконструированный облик помора сильно изменился, было как бы

⁴³ Максимов С. В. Указ. соч. С. 81–84.

Maksimov S. V. Op. cit. S. 81–84.

⁴⁴ Гареvский П. Бурлаки-онежане // Известия АОИРС. 1913. № 2. С. 64–67.

Garevskij P. Burlaki-onezhane // Izvestiya AOIRS. 1913. № 2. S. 64–67.

«два помора»: представленный в литературе идеальный русский человек, отличающийся пассионарными чертами характера, и люмпенизированный «полупролетарий», «не способный к самодеятельности в смысле искания новых путей»⁴⁵.

Список литературы

1. *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
2. *Кон И. С.* Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. «Кризис маскулинности» и мужские движения // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.

FORMATION AND REPRODUCTION OF MODEL OF MASCULINE BEHAVIOUR IN CULTURES OF HUNTERS AND FISHERMEN (ON THE EXAMPLE OF THE POMERANIAN OF THE POPULATION OF THE RUSSIAN NORTH)

Tatyana I. Troshina

The Northern (Arctic) Federal University named after MV Lomonosov,
Arckhangel'sk

The relevance of the article is connected with search for the historical and cultural roots of the feminization of modern society. In this perspective, the author makes a criticism of the existing historiography image Pomor – enterprising and courageous Russian man, the inhabitant of the Far North.

In article on the basis of a complex variety of sources shows the process the process of socialization of the men in the traditional culture of the Russian North (culture of marine hunters and fishermen) and its transformation under the influence of economic and social change.

The author proceeds from the assumption that the formation of Pomor culture and its corresponding the type of personality was the result of a forced adaptation of the bearers of Russian culture to severe natural-climatic conditions of the European North. When changes of economic activity and there was a shift to agricultural pursuits, these qualities become redundant. Moreover, they create difficulties for farming.

As a result, gender equality, which has developed in connection with the division of duties and was characteristic to the «appropriating» societies became more exploitation of women. Women were engaged not only in domestic and farm work, but were forced to take part in participation in fishing activities. Men easily changed fishing on factory work, which allowed fast result (receiving material benefits).

⁴⁵ *Мухин А. А.* Рыбачко-мореходные школы на Мурмане // Известия АОИРС. 1913. № 22. С. 977.

Muhin A. A. Rybacko-morehodnye shkoly na Murmane // Izvestiya AOIRS. 1913. № 22. S. 977.

The author also notes that the type of male character, formed at Pomors, was different from the type of «citizen» in which the state was needed. These qualities began to form with the help of state institutions, such as church, school, army. The complex of these circumstances (economic, cultural, social) contributed strain of male behavior. Men begin to neglect their social and family responsibilities.

Keywords: *Gender stereotypes, femininity, masculinity, European North of Russia, ethnographic sources, traditional culture, Pomor culture, men (male), traditional socialization, climatic factors, modernization, social and cultural marginalization.*

Об авторе:

ТРОШИНА Татьяна Игоревна – доктор исторических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск, (163002, Архангельск, Набережная Северной Двины, 17, САФУ), e-mail: tatr-arh@mail.ru

About the author:

TROSHINA Tatyana I. – Doctor of History, Docent, The Northern (Arctic) Federal University named after MV Lomonosov, (NArFU), (Naberezhnaya Severnoi Dviny, 17. Arckhangelsk, 163002), e-mail: tatr-arh@mail.ru

References

- Bernshtam T. A. Molodezh' v obryadovoi zhizni russkoi obshchiny XIX – nachala XX v.: Polovozrastnoi aspekt traditsionnoi kul'tury. L., 1988.
- Kon I. S. Menyayushchiesya muzhchiny v izmenyayushchemsya mire. «Krizis maskulinnosti» i muzhskie dvizheniya // Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya. SPb., 1991.

Статья поступила в редакцию 20.05.2013